

Работая над этим романом, я послушал десятки альбомов. Они помогают абстрагироваться от реального мира и глубже погрузиться в мир книги.

Я советую вам поступить так же, читаю эту историю. Вот альбомы, которые запомнятся мне из путешествия в Мэксинган Фолз:

- «Red sparrow»* Джеймса Ньютона Ховарда,
- «The Autopsy of Jane Doe»** Дэнни Бэнси и и Сондера Юррианса,
- «It Follows» группы Disasterpeace.

Некоторые истории лучше читать вечером или даже ночью, когда вокруг вас уже темно и тихо. Магия слов постепенно подействует, и вскоре вы будете уже не там, где начали читать эту книгу, а в самом центре Мэксинган Фолз.

Будьте осторожны, здесь небезопасно.

* «Красная стрела» (пер.с англ.).

** «Демон внутри» (название фильма в русском прокате).

*Фаустине и клану,
который мы создали вместе.
Перед лицом мрака
вы мой самый яркий свет.*

О важных вещах говорить труднее всего. Испытываешь неловкость, потому что слова не могут их с точностью передать.

Когда ты облакаешь в слова мысль, которая казалась великой, она становится банальной.

Самое сокровенное всегда остается в сердце. Ты маскируешь его, словно метки на карте сокровищ, чтобы его не нашли враги. Случается, что ты хочешь поделиться с каким-то человеком самым дорогим, но тот смотрит на тебя, не понимая, почему ты так волнуешься и чуть ли не плачешь. Но самое худшее — если тайна остается тайной не из-за отсутствия возможности рассказать о ней, а от отсутствия того, кто на самом деле способен тебя услышать.

*Стивен Кинг,
«Четыре сезона», «Труп»*

Я считаю, что наивысшим проявлением милосердия в этом мире является неспособность человеческого разума соотнести все, что на самом деле происходит. Мы живем на мирном острове невежества, окруженном черным океаном бесконечности, по которому мы не можем далеко заплывать. Науки, каждая из которых развивается в своем направлении, до сих пор щадили нас, но придет день, когда совокупность всех этих разрозненных знаний откроет нам такие ужасающие перспективы реальности и того места, которое мы в ней занимаем, что мы можем только сойти с ума от этого откровения или же спрятаться от этого губительного просветления в покое и безопасности нового Средневековья.

*Г.Ф. Лавкрафт,
«Зов Ктулху»*

Пролог

Кружа по ночной дороге, фургон напоминал крошечный космический корабль, затерянный в бескрайнем космосе. Погрузившись во тьму, «Форд» плыл в черной пустоте и освещал себе путь маленькими белыми фарами, а сзади его как будто подгоняли красные огоньки. Фургон заложил вираж и поехал по склону холма. На многие километры вокруг не было ни одной живой души.

В салоне Дуэйн Моррис сосредоточенно следил за узкой лентой дороги, петлявшей перед ним. Он даже не думал о том, чтобы сбавить обороты. Ему необходимо было выжимать максимальную скорость, чтобы как можно быстрее продвигаться вперед.

В обитом войлоком салоне царил тишина, и ему это нравилось. Ни музыка, ни радио не нарушали хода его мыслей, и весь он был сосредоточен на единственной цели: не допустить ошибку. Надо признать, что в своем деле Дуэйн Моррис не был дилетантом. Он даже льстил себе мыслью, что был одним из лучших. По официальной версии, как сообщала табличка, он был частным детективом, однако большинство клиентов знали, что это лишь часть правды. Его лучшей рекламой было сарафанное радио — отзывы клиентов, а также несомненный талант, помноженный на усердие и внимание к деталям. Так две трети его клиентуры состояли из постоянных заказчиков, всегда довольных его услугами. Дуэйну не приходилось искать заказы, деньги приходили в его дом с постоянством морского прилива.

Глаза Дуэйна на секунду метнулись к спидометру: семьдесят километров в час. Прекрасно. Скоро он снова окажется на магистрали, а оттуда, через несколько ми-

нут, — на автостраде. И тогда он станет невидимкой, ведь на рассвете, достигнув Бостона, он растворится в безличном потоке дорожного движения. Как бы то ни было, Дуэйн не оставлял ничего на волю случая. Никогда. Даже если камеры наблюдения засекали его где-то по дороге, фургон нельзя было отследить. Фальшивые номера, «позаимствованные» с автомобиля той же модели, в случае проверки помогут сбить полицию со следа. Наклейки, которыми Дуэйн для маскировки покрыл кузов, будут вечером сожжены в гараже в печи, а перед этим Дуэйн сменит шины на те что с другой маркировкой. После этого никому не удастся выследить его по отпечаткам протекторов. В гараже Дуэйн сбреет голову и пострижется, чтобы изменить внешность, чтобы по камерам наблюдения нельзя было распознать его черты. Впрочем, натянув кепку, он уже сделал достаточно для своей безопасности.

В который раз он все предусмотрел. Никто бы не смог его вычислить.

Да, наконец, стоило ли так хлопотать из-за дела, которое он только что провернул? Дуэйн не был уверен даже, что оно действительно незаконно. Ну, скорее всего, хотя вряд ли за такое сажают. Кроме того, в этот раз заказчики — с ними он работал впервые, а телефон его им дал их новый начальник охраны, бывший коллега Дуэйна, — крупно ему переплачивали, а никто не стал бы платить столько за простую операцию, будь она законной. Так они отправили бы на это задание своих молодчиков, а не Дуэйна — посреди ночи и с единственным напутствием: «Никто не должен знать».

Чтобы усвоить порядок действий, Дуэйну потребовалась серьезная подготовка. Учеба его позабавила, хоть само по себе задание и было скучным. Прежде ему никогда не приходилось тренироваться перед заданием. Как обычно, он усердно готовился, чтобы ничего не испортить в день X. Но все прошло как нельзя лучше. Плевое дело. Заказчики будут довольны. Дуэйн Моррис в очередной раз в совершенстве справился.

Дуэйн решил по окончании работы позвонить Кэмерон, чтобы себя вознаградить. Он заслужил хороший отдых. Дуэйн подозревал, что Кэмерон это не настоящее ее имя, девушки по вызову часто использовали фальшивые име-

на, но ему было на это плевать. Разве он сам не делал того же? Имели значение только часы, проведенные с Кэмерон, а они стоили каждого потраченного доллара. Кроме милой мордашки она обладала точеной фигуркой греческой статуи, воплощением совершенства. При мыслях о Кэмерон Дуэйн невольно улыбнулся. Она была его слабостью, и он это знал. Но он был не роботом, а живым мужчиной, уж по крайней мере в своей частной жизни.

Показавшийся поворот вернул Дуэйна к реальности, и ему пришлось резко затормозить, чтобы не вылететь с дороги. После поворота он снова нажал на педаль газа. Гребанный серпантин. За стеклами со всех сторон была темнота. Никаких признаков жизни, и невозможно было разглядеть живописные виды, мимо которых он ехал. Сквозь невидимую завесу облаков не было ни проблеска луны или звезд. И удивительно, и жутко.

Внезапно что-то в зеркале заднего вида привлекло внимание Дуэйна. Однако он посмотрел и ничего не увидел. Что бы это могло быть? Какое-то движение позади фургона? Его преследовали? Но нет, это невозможно, иначе он давно бы это заметил, а кроме того, немисливо ехать с выключенными фарами на такой скорости, по такой опасной дороге. Если только у тебя нет прибора ночного видения...

Струйка холодного пота побежала по его спине.

Только парни из ФБР используют эти штуки для скрытой слежки. Значит, у него на хвосте федералы? Нет, из-за такого идиотского дела они не стали бы...

Вдруг у Дуэйна пересохло во рту. Не то что бы его беспокоила эта ерунда, ведь в прошлом он был замешан в куда более заметных и важных делах. Если о них узнают, он проведет в тюрьме не один десяток лет.

Дуэйн больше не мог сидеть спокойно. Он попеременно смотрел то на асфальт перед собой, то на зеркало заднего вида, чтобы проверить, едет ли кто-то за ним. Никого. Только черная пустота на триста шестьдесят градусов вокруг.

Он немного притормозил, чтобы побольше осветить дорогу за собой. Никого, теперь он был в этом уверен.

Ему просто показалось. Сердце забилося спокойнее.

И тут он снова уловил какое-то движение в зеркале заднего вида. И понял. Все его тело напряглось, как наэлектризованное.

Это было внутри! Кто-то был за ним на сиденье или в багажнике.

Дуэйн принялся напряженно думать. Кто мог там прятаться? И зачем? Он тяжело задышал, раскрыв рот, и, убедившись, что впереди не было поворотов, наклонился к бардачку и достал свой «глок» девятого калибра.

Он собирался поднять пушку и включить с ее помощью плафон, чтобы показать своему незваному пассажиру, что шутки кончились, — но задержался. Тот ведь мог наброситься на него и устроить аварию. Нет, плохая мысль. Лучше остановиться. Дуэйн выйдет, чтобы открыть боковую дверцу, и станет таким образом владеть ситуацией. Да, так будет умнее.

Он посмотрел вперед, чтобы найти, где припарковаться, и снова уловил в зеркале движение. Он поднял глаза и увидел ее. Женщина. Во всяком случае, у нее были длинные волосы, спутанные и сальные, скрывавшие лицо. И за завесой волос лицо ее показалось ему очень бледным. Она сидела в самом дальнем углу.

Какого черта ей здесь надо?

Дуэйн снял ногу с педали и сжал пистолет в руке.

Опять движение. Дуэйн посмотрел в зеркало: теперь она сидела прямо за ним. Как она переместилась так быстро?

Его сердце заколотилось, и он не смог больше сдерживаться. Он поднял свой «глок», так чтобы она непременно его увидела:

— Ладно, прогулка закончена! Ни с места!

Дуэйн задохнулся, и его голос прозвучал куда менее угрожающе, чем он хотел. Все его тело трясло в панике.

— Мы остановимся, чтобы поговорить. Если ты приблизишься, я стреляю на поражение, ясно?

Женщина откинула волнистую прядь, и, увидев ее искривленный рот и серые зубы, он почувствовал нахлынувшую волну ледяного ужаса.

* * *

Фургон ехал, рассекая темноту, когда вдруг вильнул в сторону, взметнув тучу пыли, затем снова вырулил на дорогу так, что завизжали шины. Замедлился, как бы собираясь остановиться, потому рванул с места, так что мотор взревел.

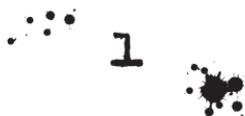
Машину занесло вправо, потом влево, раздался выстрел, звук которого сразу утонул в ночи.

Дорога резко поворачивала вдоль самого обрыва. Машина уже не успевала вырулить и пронеслась прямо на полной скорости.

Земля тут же исчезла из-под колес, ветки кустов царапнули бока «Форда», и несколько секунд он летел в невыносимой пустоте, пока наконец не столкнулся с острыми скалами и не разбился от чудовищного удара о них. Под грохот стекла и металла машина покатилась, теряя при каждом ударе колеса, дверцы и куски капота. Искры достигли бензинового бака, и на мгновение «Форд» застыл на дне оврага, среди густых зарослей.

Огненный раскаленный шар возник перед угасающим взором Дуэйна Морриса, который все еще сидел, пристегнутый, на водительском сиденье, с залитым кровью лицом.

Языки пламени показались ему сотней лиц, которые рзорвали тишину ночи чудовищным воплем. Через миг они учуяли добычу, бросились на нее и сожрали живьем.

Лиз наклонилась к зеркалу в ванной. Черная точка на лбу оказалась всего лишь крошкой, которую она смахнула щелчком ногтя. Лиз внимательно посмотрела на свое отражение. Черные как смоль волосы ниспадали с обеих сторон ее бледного лица, напоминая вдовью вуаль. Подводка для глаз, благодаря которой ее лицо становилось похожим на маску, черная помада, лак под цвет губ — все было идеально. Под сетчатой блузкой виниловый корсет, шотландская юбка в складку и зашнурованные сапоги до колен — всё продумано до мелочей. Все должно было быть на высоте, ведь внешний вид был ее визитной карточкой, именно он западал в память людям, которые встречались ей на пути. Но особенно важно было выглядеть безупречно в этот вечер.

В этот особенный вечер.

Она собиралась снять все на видео. Абсолютно все. В мельчайших деталях. Крупным планом, чтобы было видно, как металл медленно впивается в кожу, рассекает плоть, как кровь блестит в холодном свете этого большого дома.

Выбор места был не случаен. Это огромное бездушное помещение воплощало все, что она ненавидела так сильно.

Ей пришел на ум белый ковер, всегда такой безупречный, и на ее лице появилась недобрая усмешка. Пятна крови на белоснежном полу — это будет для них убийственно. Их прекрасный дом будет запятнан. Чистота и порядок их гнездышка будут нарушены. Возможно, это станет первым, что бросятся им в глаза, а до остального им не особенно будет дело.

Лиз представляла себе последствия. Она готовилась к этому несколько месяцев. Сможет ли она своим поступком заставить мать очнуться от ее алкогольного оцепенения? Вот уж не факт.

— Лиз? Мы уходим, — произнес голос за дверью ванной.

— Иду, мадам Ройсон.

Лиз бросила быстрый взгляд на иглы, которые поблескивали на раковине, закрыла кожаный бумажник и спрятала его в сумочку, с которой она никогда не расставалась. Всё было готово.

Но пока надо вести себя как обычно. Нельзя вызывать подозрений. Нельзя все испортить.

Лиз немного нервничала. Этим вечером всё навсегда изменится. Она знала, что способна на этот шаг. Она заранее почитала обо всем в Интернете. Главное было не колебаться. После месяцев размышлений она перейдет к действию, она уже заявила об этом. Все они с нетерпением ждали результата. Её видео. Шока.

Лиз вышла в коридор, где супруги уже надевали пальто. Мужчина на ходу кивнул Лиз и сказал жене, что пойдет пока в гараж за машиной.

— Ужин в холодильнике, — напомнила ей высокая блондинка с породистым лицом. — Арни уже спит, у него был длинный день, не буди его. В доме ты все знаешь, наши телефоны у тебя есть...

— Да, мадам Ройсон, я все знаю, не беспокойтесь.

— Ты права. Главное, если что, не стесняйся и сразу звони мне.

— Конечно.

— А, и радионяня на столе в кухне.

Лиз кивнула, она все это знала. Ей хотелось только одного: наконец остаться наедине с этим спящим ублюдком. Обычно она привязывалась к детям, за которыми ей поручали следить. Арни был исключением. Она его ненавидела. Капризный, уродливый и к тому же избалованный! Стоило его ущипнуть — а она щипала его, когда он совсем ее доводил, — как он начинал орать как резаный и целых десять минут не мог остановиться. Настоящий идиот. Папенькин сынок, который и подростком будет жить во вседозволенности, один из этих козлов, для которых деньги не пробле-

ма и который живет только ради власти. Обладать. Подчинять. Доминировать.

Не выдавая раздражения, Лиз изображала улыбку до тех пор, пока дверь наконец не захлопнулась. Она тайком посмотрела в окно, убедилась, что машина отъезжает от дома, и, когда задние фары внедорожника превратились в крошечные точки вдаль, торжествующе сжала кулаки в знак ликования.

Но главное было не радоваться раньше времени. Не торопиться. Второго шанса у нее не будет.

Сначала поест, чтобы не начинать на голодный желудок, никогда не знаешь, как все пройдет. Если меня стошнит, пусть хотя бы будет чем блевать.

Она сделала себе бутерброд из двух ломтиков хлеба и маршмеллоу и оставила раскрытый пакет с хлебом на столе. Теперь надо было подождать. Хотя бы час, чтобы быть уверенной, что спиногрыз крепко спит, а потом убедиться, что планы родителей не изменились в последний момент и они не вернутся раньше, чем должны. Целый час! Надо как-то убить время. Это выражение заставило ее улыбнуться.

Учитывая, сколько времени я теряю попусту, я убил уже целую гору часов! Настоящая серийная убийца...

Она раздумывала, стоит ли развалиться перед телевизором и пощелкать каналы, посидеть в Интернете или просто спуститься в подвальный этаж и включить себе кино. Последний вариант привлекал ее больше всего. Она была слишком перевозбуждена, чтобы следить за разным бредом по телеку или сосредоточиться на чтении ленты в соц-сетях, надо было на что-то отвлечься, иначе каждая минута казалась бы вечностью. Торопиться в любом случае нельзя. Слишком важное дело, чтобы сейчас все пошло псу под хвост. После всех приготовлений, сейчас, когда она полностью готова...

Так, ты же не собираешься слиться?

Нет. Она не хотела откладывать на потом. Сегодня же она выполнит задуманное. Решено.

Просто я не хочу облажаться. Терпение. Выждать время. Чтобы довести все до конца. Я не собираюсь отступать. Определенно, нет.

Лиз взяла радионяню для связи с малышом, спустилась в подвал, прошла через тренажерный зал мадам Ройсон

и толкнула дверь домашнего кинотеатра. Да, у этих Ройсонов денег куры не клюют... У этого болвана, который всегда жаловался, что налоги его разорят, на развлечения-то денег хватало... Большой зал с креслами, как в настоящем кино, звуконепроницаемый и без окон. Лиз включила сенсорный экран, нажала «Смотреть фильм», и все лампы в зале зажглись одновременно. Она подошла к полкам в глубине комнаты, чтобы выбрать из всех дисков тот, который справится с непростой задачей развлечь ее на час.

Лиз остановила выбор на фильме «Воины» — барахло, но сюжет не так уж плох.

Свет плавно погас, погрузив зал в темноту, и Лиз устроилась в кресле, положив радионяню на подлокотник.

Через двадцать минут Лиз поймала себя на том, что фильм ее по-настоящему увлек, несмотря на всю его банальность. Ей вовсе не надо было терять из виду свою главную цель. Она выпрямилась в кресле и нетерпеливо пощелкала пальцами. Она хотела начинать. Сколько можно тянуть? Ее уже все достало.

А если эти старые говнюки вернуться? Вдруг их вечеринку все же отменили? Или мелкий еще не заснул как следует и проснется ни с того ни с сего?

Лиз вздохнула. Надо было еще подождать. Хотя бы полчаса.

Она собрала всю свою волю в кулак и постаралась снова погрузиться в сюжет фильма.

Вдруг лампочки радионяни загорелись. Сначала зеленые, а за ними красные.

О, нет, проснулся!

Если придется его вырубить, она это сделает. Этим вечером никто не должен был ей помешать. И она готова идти до конца. Она пощупала сумочку. Внутри лежал кожаный мешочек с иглами и китайскими чернилами. И рисунок на кальке. Сердце со слезой. Она сама выбрала этот эскиз для своей тагуировки. Потому что так она себя чувствовала, так воспринимала свое существование. Она уже все понимает, пусть ей пока всего лишь шестнадцать. Она не идиотка. Жизнь — сплошная боль. Семья, парни, школа, все это...

Гребаный Арни, почему нельзя оставить меня в покое! Можно я спокойно сделаю свою крутую татушку? Клянусь, если ты испоганишь вечер, я тебе...

Она не придумала никакой достаточно сдержанной угрозы, чтобы можно было ее исполнить, и тут лампочки загорелись опять.

— Фак.

Она поставила фильм на паузу, чтобы послушать, плачет ли мальчик, или он просто ворочался в кровати. Ничего не было слышно, и она поднесла рацию к уху.

Внезапно зазвонил мобильный, заставив ее подпрыгнуть.

Твою ж мать!

Лиз нахмурилась. Как он мог его включить? Ее мобильник остался лежать на кровати, а восьмимесячный ребенок, да еще такой толстый и неуклюжий, не мог сам встать, насколько она знала.

Послышался другой звук. Лиз вздрогнула. Какой-то шепот. Как будто...

Как будто кто-то укладывает ребенка!

— Черт, родители вернулись! — сказала Лиз с досадой, видя, что ее планам пришел конец.

Она поднялась и остановилась перед дверью домашнего кинотеатра. Почему она не слышала, как парковали машину, гараж ведь через стенку от зала?!

Вдруг голос в рации произнес:

— Лиизззз...

Сердце девушки забило с бешеной скоростью. Ей не показалось. Кто-то произнес ее имя. Или скорее медленно прошептал, растягивая звуки, у самого микрофона. Это был женский или мужской голос? Лиза не смогла определить. И зачем Ройсоны стали бы играть с ней в эти игры?

Из комнаты мальчишки? Вряд ли...

Из динамика раздался бесконечно длинный вздох. Лиза вздрогнула.

— Лиизззз...

Что это было? Это не могли быть родители. Шутить с ней — это совсем на них не похоже. И уж тем более подобным образом. Почему Ройсоны не предупредили, что кто-то придет? Это не в их стиле. Здесь что-то было не так. Лиз это чувствовала.